

Татьяна Коростышевская

Татьяна Коростышевская

Внучка бабы Яги

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К68

Художник
Л. Клепакова

Коростышевская Т. Г.

К68 Внучка бабы Яги: Роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 316 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1028-6

Ученье — свет, неученых тьма.

Что прикажете делать девушке, у которой проснулись способности к стихийной магии? Разумеется, учиться ими пользоваться. Ах, до ближайшей магической академии невозможно добраться? Ну, пусть бабушка поможет — она же ведьма. В затылок дышат таинственные вещуны, на дороге поджидают упыри и разбойники? Тогда надо ватагу друзей собрать — они защитят. А если в дело вмешается любовь? Тут уж никто не советчик.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1028-6

© Коростышевская Т. Г., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1

О добрых предзнаменованиях, народных обычаях и неудачном сватовстве

Заря-заряница, красная девица, по лесу ходила, ключи потеряла; месяц видел, солнце скрало.

Старинная загадка

Ах! Какое замечательное бабье лето выдалось! Сочное оранжевое солнышко ласково припекало мою макушку, в воздухе носились запахи прелой листвы и невесомые ниточки паутины. Примета есть: на кого такая паутинка прилетит — тому в любви счастье. Недаром пауки считаются у нас символами домашнего благополучия.

Поминутно отплевываясь — счастливое предзнаменование так и норовило залепить губы, — я перехватила поудобнее корзинку с грибами. Только белые, другие бабушка и за грибы не признает; ну, может, еще мухоморы, только их она собирает сама, и по ночам, а мне не велено.

— Лутона-а-а! — Протяжный крик с другого берега Смородины заставил меня поторопиться. Подруга Стешенька, дочь мельника, стоя на мелководе, орала во все горло.

— Аюшки! — мелодично откликнулась я. — Иду-у...

Брод в двух шагах. Не замочив даже подола, я довольно скоро оказалась нос к носу со Стешей.

Подруженька раскраснелась от быстрой ходьбы, из толстой девичьей косы рыжими пружинками выбива-

лись прядки волос. Переводя дух, Стеша схватила меня за свободную руку и потащила в сторону деревни.

— Лутона, поспешай. Сваты приехали. От Еремея.

— Вот радость-то! — Я бросила на землю лукошко и стала тормозить подругу.

Стешенька страдала за Еремеем с лета. На Иванов день молодой купец приметил, как дородная дочь мельника водит хороводы с подругами, и вечером увлек красавицу от купальского костра — цвет папоротника искать. Вот и повенчались, под ракушковым кустом, красна девица с добрым молодцем. Дело известное. У нас в деревне не впервой. Пряный купальский дух и не такое с молодыми людьми творит. А уже потом, когда праздничный угар остается позади и возвращается способность трезво мыслить, тогда засылаются сваты, сговариваются о свадьбе. И дети, которых в эту волшебную ночь зачинали под серебряными звездами, рождаются здоровенькими и бойкими. А бывает, что ничем заканчиваются праздничные забавы. И сладкие воспоминания будоражат кровь долгими зимними вечерами.

Тут я заприметила что-то неладное. Пригляделась. В ярких, будто васильки, глазах девушки застыли росянками невыплаканные слезы.

— Стешенька, голубушка, али не рада ты? — спросила я подругу, заглядывая в ее насуспенное лицо.

— Эх, Лутона... — Ручейки полились по румяным, как наливные яблочки, щекам. — Сваты от Еремея к тебе пожаловали.

Я застыла соляным столбом. Вот и не верь в паутинные приметы после этого. Сваты? Ко мне? Да бабушка их сейчас в печи запечет. Она на расправу быстра. Или проклянет так, что не обрадуешься. Быстрее! Надо бежать, спасать людей, бабушку корнем валерианы отпавивать. А то и до беды недалеко.

Только ноги отяжелели чего-то. И шагу ступить не могу. Сердце забилось часто-пречасто, того и гляди вырвется из груди и взлетит голубем сизым под самые не-

беса. Меня замарашку, чернавку такой завидный жених приметил! Ай да я! Ай да...

Только дурно такие мысли в голове держать. Знаю же, что любовь всякая и свадебная кутерьма не для ведьминых внучек. Да и подруженьку жалко. Не уберегла девичьей чести, что ж ей теперь — одной вековать? А Еремей-то! Вот гусь! Сорвал ягодку спелую и в кусты! Неправильно это, не по-людски. Злость прибавила мне решимости.

Наскоро успокоив Стешеньку и клятвенно пообещав, что я за Еремея не пойду, с корзиной в одной руке и подолом в другой я понеслась домой.

Избушка наша стояла на окраине села. Вросшая одной стеной в землю и покрытая зеленым мохом, она иллюстрировала присказку «моя хата с краю» с точностью до наоборот. Моя бабуля знала все. К ней ходила вся деревня за отварами, примочками, приворотами, отворотами, заговорами. А уж разговорить клиента и направить беседу в интересующее ее русло моя бабуля умеет как никто другой. В конце концов, ведьма она или не ведьма?

У нашей калитки топталась небольшая группа сельчан, внимательно прислушиваясь к происходящему в доме. А внутри бушевала буря. Да такая, после которой вековые дубы корнями наружу остаются. Бабуля у меня, если заведется, всем мало не покажется. Ее низкий голос разносился по округе, как звуки набата.

— Ишь чего охальник удумал! У вас товар, у нас купец...

Бум! Бац! Шмяк! Дзинь!

Наша нехитрая домашняя утварь завершала свой жизненный путь на ступеньках крыльца, картинно перелетая через порожек. Вслед за плошками и горшками из дома выскочили старосты. Подпихивая кочергой зазевавшегося молодчика в вышитой рубахе, во двор скоро выскочила бабушка.

— Это что же делается, люди добрые! — завела ста-

рушка, стреляя разноцветными глазами по сторонам. — Я ж за ней ночей недосыпала, кусок недоедала! А она, неблагодарная, хвостом перед парнями крутить!

Все эти стенания не отвлекали бабулю от основной задачи. С молодецким задором, приволакивая костяную ногу, она кочергой гоняла по двору уже подуставших старост. Благодарные зрители улюлюкали и, кажется, бились об заклад, поправит Яга Сеньке Косому большой глаз или последнего здорового лишит.

Увидев меня, сельчане молча расступились. Я опустила пониже голову, глядя под ноги, будто в серой дорожной пыли скрывались ответы на все вопросы мироздания, и засемила к дому.

— И чего там купец только высмотрел? Худа, черна как смерть. Приворожила она Еремея, точно говорю.

Это соседушки перешептываются. Да, вот так в голос и перешептываются. Чтоб все слышали. А иначе чего вообще язык трудить, если не слышит никто?

— То ли дело твоя Лизавета. Ну чисто яблочко наливное. И хохотушка, и пригожа, и румяна, и есть за что ущипнуть.

А как же, старостину Лизавету — щипать не пере-щипать. Ее пока обхватишь, пока место подходящее на боку отыщешь, вообще щипаться передумаешь от усталости. И смеется она так, что горшки трескаются.

Чего я вредничаю? Не иначе, завидно на дородную красоту заклятой подруги. Почитай, с весны мы с Лизкой собачимся при каждой возможности. Как все началось? Этого не скажу — не упомяну вот так сразу. Вроде с того, что я ей на нос три огромных чиряка наговорила. Как раз по числу ликов, которым она по полста раз в день поклоны бьет. (Староста наш — Платон Силыч, все семейство в храм приучил ходить — Трехликому поклоняться.) А волшбу я утворила не просто так, а за то, что Лизка обозвала меня в глаза байстрючкой и больно дернула за косу, когда я за водой к артельному колдцу шла. А она меня словами срамными поносила за

то, что я ей на подол остатками воды из ведра плеснула. А я тоже не просто так накуролесила, а по причине. Вот ее, эту первопричину, я и не помню. Да только конца-краю нашим баталиям теперь не видать. Бабушка говорит — «девчачьи глупости», я говорю — «вражда до последнего вздоха».

— Надо бы чернавку огню очистительному подвергнуть! А чего, предки наши всегда так с ведьмами поступали...

— Правильно! Костер разберет, где ведьма белая, а где черная...

Ну, положим, жариться мне неохота. Не верю я в мудрость очистительного огня. И в том, что стихия может определить «цвет» ведьмы, тоже сомневаюсь. Если б все так просто было: белое да черное, как на доске для игры в заморскую игру под названием «шахи», житье бы настало, как в сказке — тишь да благодать. И думать совсем не надо — делаешь все по распорядку, горя не зная.

— Каленым железом! Жечь скверну дотла! Только так!

Я резко подняла голову. Какие люди! Разбитная молодуха Матрена своими благонравными мыслями с соседями делится. Мыслей у нее много, и все правильные да повсеместные. Весь мир на себе баба держать готова. А если что, к кому железо калить побегут? Правильно! К Матрениному мужу — кузнецу нашему Лаврентию. Все в хозяйстве прибыток.

Встретившись со мной взглядом, Матрена завизжала как резаная и зачастила:

— Ой, бабоньки, сглазила, как есть сглазила. Ой! — она схватилась за живот. — Скину! Живой плод скину! У-у-у, ведьма...

Я, конечно, могла поставить вздорную Матренку на место. Знаю я пару тайн дорогой соседки, да таких, за какие побитие камнями грозит, не меньше. Но до

того ли мне сейчас? К тому же обижать непорожную бабу — последнее дело.

Кто-то из мужиков цыкнул на молодку с укоризной:

— Пожалеть девку надо. Прибьет ее Яга, не помилует кровинушку.

То ли совесть в народе проснулась, то ли ожидание расправы остудило толпу, только бабы примолкли. В этой тишине я и вошла в дом.

Бабушка юркнула за мной. Дверь захлопнулась самостоятельно, засов аккуратно въехал в пазы, отсекая уличную маету.

— Ну и что это за балаган? — спросила я, устраиваясь на лавке, сдвинув в сторону чучело гигантского муравья.

Бабушка обиженно поджала губы:

— Ужо и повеселиться на старости не дают.

Потом морщинки в уголках рта разгладила радостная улыбка.

— Видала, как я их?

— Да, бабуля, накуролесила вдосталь. Парни теперь седмицу заикаться будут.

— Угу. — Привычным пассом от двери Яга распахнула окошко. — Теперь, Лутона, покричи погромче для достоверности.

Пока я стенала, топала ногами и звенела остатками посуды, из печи появился горшок с аппетитной рассыпчатой кашей. Сама собой расстелилась скатерть на дочиста выскобленном деревянном столе, и явилось угощение. Из воздуха возникли новые, расписанные невиданными цветами тарелки, на которых тут же рядками устраивались ломтики козьего сыра и душистые букетики зелени. Вот всегда бабуля знает, чем меня порадовать!

Захлопнув окно по-простому, без колдовства, я устремила к столу. С утра маковой росинки во рту не было.

Я с довольным урчанием поглощала яства, а бабуля тем временем, не мешкая, приступила к допросу:

— А скажи мне, красавица, чего это вдруг купец тебя заметил?

Кусок стал мне поперек горла. Слезы навернулись на глаза. Уставившись на свои обветренные руки, лежащие поверх скатерти, я собиралась с духом.

— Пару седмиц тому на Идоловой поляне, тогда еще показалось, будто смотрит кто... Да не могла я подумать даже... Он же со Стешенькой люби-и-ится... — Тут я с чувством разрыдалась.

— Ну, будет, будет сырость-то разводить.

Скрюченные бабушкины пальцы ласково касаются моей головы. И вся боль и горечь отступают, развеиваются под плавными, уверенными движениями. Низкий голос колдуньи успокаивает. Яга бормочет задумчиво:

— Как-то ты быстро в пору вошла, я и не заметила...

Я неуверенно шмыгнула носом. Бабушка жестом ярмарочного фокусника вытащила из рукава чистую тряпицу — мне утереться и продолжала уже другим тоном:

— Значит, так, голубушка, ты накуролесила — тебе и исправлять. Еремея-то в лес увлекли. А что дальше делать — сама знаешь.

В моих руках, будто ниоткуда, появился костяной гребень с частыми неровными зубцами. Подушечки пальцев морозно закололо, и я поспешила спрятать вещь за пазуху.

Пока бабушка споро перебирала грибы, я продолжила трапезу. План действий сложился сразу. Только вот его исполнение могло потребовать посторонней помощи. К кому обратиться, я уже немного представляла. Леший должен мне помочь. Есть у него ко мне должок, вот пусть и отработает. Заморочит купца, увлечет на Идолову поляну, напустит чар сонных. Они, лешие, это дело знают. Тут уж и я появлюсь с гребнем на изготовку. Расчешу медно-русые кудри

Еремея, он обо мне и думать забудет. Полезно иметь в хозяйстве разные вещи волшебные на такой вот аховый случай. Тут главное не переусердствовать, чтоб купец не забыл больше, чем надо. Значит, когда он меня без одежды видел? Две седмицы? Для надежности будем считать — три. Тогда заговор можно попроще выбрать. Заклинание-то я верное найду, нужно только время обряда отсчитать.

Ленивое течение мыслей прервал громкий стук в дверь. Кто это еще пожаловал? Бабка надела на лицо выражение свирепости и щелкнула пальцами, отодвигая засов. На пороге стоял бледный, но решительный Еремей. Его голубые глаза метали молнии, но впечатление портили дрожащие губы. Куда девать руки, купец явно не знал, поэтому правой картинно оперся о дверной косяк. Я мышкой шмыгнула за печь. Когда говорят старшие, не встречай! Привалившись спиной к теплomu печному боку, я приготовилась слушать.

Еремей молчал, видимо собираясь с духом. Бабуля его не торопила. Передышка грозила затянуться. Запечная пыль предательски щекотала у меня в носу, и, пытаясь сдержать рвущийся наружу чих, я зажала рот руками. Не помогло.

— Будь здорова, красавица, — отмер молодец.

— Благодарствуйте, — пискнула я, оставаясь в своем укрытии.

— Надо чего? — вежливо вступила бабуля.

— Ты, это, девку-то не гноби...

Судя по звуку, Еремей разговаривал, не покидая стратегического дверного косяка.

— Дверь закрой, дует. Чай не девочка уже под сквозняком сидеть.

Скрипнула лавка — бабуля устраивалась за столом. Хлопнула дверь, заговорили половицы под тяжелыми шагами... Опять лавка. Значит, оба сели, сейчас разговор и начнется. Я наострила ушки.

— Ты, ведьма, не дури. Внучка у тебя справная. А с лица воду-то не пить...

Зря он так на бабулю. Нарвется — потом костей не соберет. Ну вот, бабкин голос задрожал от ярости:

— Не в коня корм, добрый молодец.

— И чем же я тебе не подхожу? Сам справный, мощна полна. По разным заморским странам-государствам поездил, повидал всякого. Да и внучку твою не обижу. Будет при мне, мир посмотрит...

— Лутона! Подь на двор, овса скотине задай.

Я выглянула из-за печи:

— Так нетути у нас живности...

Бабушка так свирепо цыкнула зубом, что я решила поумничать где-нибудь в другом месте и опрометью выбежала из горницы, придерживая подол сарафана руками и отбивая дробь босыми пятками.

На дворе было скучно. Послonyaвшись под запертым окошком и убедившись, что снаружи ничего не слышно, я подошла к кадке с дождевой водой. Зеркал у нас с бабулей в заводе не было, так что с детства я привыкла любоваться на свое отражение, подернутое водной рябью. Любоваться — это не то слово. Сколько себя помню, раз, а то и два в седмицу бабушка протирала мою мордочку отваром ореховой шелухи, усиленным какими-то заговорами. Поэтому мое рябое, в коричневых безобразных потеках лицо ничего, кроме жалости и отвращения, в людях не вызывало. Когда я только в тело вошла — лет эдак в тринадцать, я все пыталась уговорить родственницу сжалиться надо мной, но бабуля была непреклонна.

— Девонька моя, светик мой ясный, нельзя нам перед людьми-то открываться. Увидят местные красоту твою ненаглядную, судачить начнут. А слухи знаешь как быстро расходятся?

— А-а-а! — рыдала я, размазывая по мордахе соленые слезы. — А чего меня все замарашкой кличут! И парни смеются!

— Да пусть смеются, здоровее будут. Не пара ты им, олухам деревенским.

Именно в такие моменты на свет появлялась старинная подвеска в виде бабочки, охватившей крыльями гладкий янтаринный шарик. В воздухе разливался тяжелый мускусный дух. Я сжимала амулет в ладонках, чувствовала, как его спокойное тепло изливается в меня через истончившуюся кожу рук, и уговаривала себя потерпеть чуточку. Ждать-то всего ничего. Я так привыкла думать, что как только мне стукнет восемнадцать, жизнь чудесным образом переменится, что на окружающую действительность обращала очень мало внимания. Косые взгляды, обидные слова доходили до меня, будто через толщу воды, теряя по дороге большую часть своей силы. Из сельчан более-менее сдружилась я только со Стешенькой. Ее тоже в деревне не жаловали. Знамо дело, мельник-то заодно с демонами. Кто ж еще поможет жернова прокручивать? А кто стучит по ночам в опустевшей мельнице, когда весь честной люд видит десятый сон? Демоны, не иначе! Да только дядька Степан, отец Стеша, был, как говорится, ни сном ни духом. Никаких темных обрядов не проводил, жертвенных животных над водой не закалывал. Он просто хорошо делал свою работу. Отчуждение окружающих относил на счет своего нелюдимого нрава. Жена мельника умерла родами, поэтому всю свою любовь он направил на дочь, только что пылинки с нее не сдувал. Стеша вертела папанькой, как хотела, регулярно получая дорогие обновки и мелкую денежку на немудреные девичьи развлечения. Жадной или высокомерной она не была. Именно подруга оплачивала наши с ней походы на ярмарки, просмотры скоморошьих представлений и (о, ужас!) шкалик-другой пряной медовухи под настроение. У меня-то денег отродясь не было. А если бы бабуля узнала о наших похождениях, то не бывать бы, наверное, еще и половине волос и возможности сидеть, как все нормальные люди. Воспиты-

валась я в строгости и, что такое вымоченные в рассоле розги, знала не понаслышке.

Солнце было уже в зените, когда дверь нашей избытки отворилась и на крыльцо, пошатываясь и щурясь от яркого света, медленно выполз Еремей. Мазнув по мне равнодушным взглядом, пошел со двора, неуверенно переступая большими ногами, обутыми в дорогие кожаные сапоги. Вот и вся любовь. Бабушка свое дело знает. И гребень волшебный не понадобился. Мне почему-то сделалось грустно.

Бабуля сидела за столом, подперев голову рукой, распространяя стойкие сивушные ароматы и напевая под нос срамные частушки. Понятно теперь, на что купца заморочила. Ни один мужик перед зеленым вином не устоит, а уж перед усиленным бабулиными наговорами и подавно. Вздохнув, я помогла родственнице устроиться на лавке, укрыла ее лоскутным одеялом и наострилась бежать к подруге.

— Стоять! — Грозный окрик застал меня в дверях. — Ты чего это удумала?! Если бабушка приболела, так и баклуши бить можно?

Поняв, что от учебы отлынить не удастся, я, послушно сдвинув в сторону плетеные половички, открыла тяжелую кованую дверь подпола.

— Лентяйка, лоботряска, загуменщица, — продолжала ругаться бабка, даже когда я уже нырнула в привычную душную полутьму тайной комнаты.

Поздним вечером, когда на небе уже зажглись звезды и весь честной люд давно видел пятый сон (а иначе никак, вставать-то с петухами), к нам в двери поскреблась соседка Матрена. Разговор, видимо, предстоял непростой. Бабулино желание выгнать меня во двор, чтоб не услышала чего лишнего, на этот раз не исполнилось. Я залезла на печь, многозначительно позевывая. Да что ж это такое! Даже поспать вволю кровинчке не дают! Сонное заклятие, пущенное мне вслед ушной родственницей, я не без труда отбила встречным

зароком (все-таки в самостоятельных занятиях по старинным книгам тоже есть толк) и, чтоб никого не обидеть, бойко захрапела. Поглядывать сквозь полуприкрытые веки мне это не мешало. С высоты печи все было видно. А тем временем в горенке разворачивалось представление, до которого всем ярмарочным скомошошым потугам было далеко.

Матрена рыдала. На чистую седмицу из города возвращается муж, скорый на расправу кузнец Лаврентий. Нарочно так подгадал, чтоб к появлению на свет наследничка успеть. Казалось бы, живи да радуйся да к повитухе на поклон иди, чтоб загодя договориться. Ан нет. Уверена Матрена, что не до веселья будет кузнецу, когда кровинушку-то узрит да станет сходство с собой, болезным, искать. Я б на его месте тоже не ликовала. Маленькие лешаки рождаются корявенькими, похожими на зверят, а вовсе не на нормальных человеческих младенцев. А то, что Матренин животик — плод стараний местного лешего, ни у меня, ни у бабули сомнений не вызывало. Лесовик у нас обстоятельный, только очень уж одинокий, всем бабам куры строит, ну просто проходу не дает. Как он глупую кузнечиху зацепил? Ведь в наш лес по грибы или там по ягоды в одиночку ходить не принято — гуртом сподручнее. И выбираться легче, когда заплутает тропинка, казалось бы, с детства знакомая, начнет чудить, выводить в буреломы непролазные или болота топкие.

А Матрена все подвывала, проливая горячие слезы:

— Ведь убьет же он меня, горемычную, как есть убьет... Любые деньги плачу, ничего не пожалею.

— А от меня чего надо? — недоумевала бабушка. — Морок какой навесьт, чтоб муж за своего младенца посчитал? Так соседи ему глаза быстро откроют. Всю деревню заморочить не получится.

— Бабушка-а-а, а пусть его не будет, младенца, а я уж потом... Да ни с кем, кроме мужа, да ни в жизнь...

Вот ведь змеюка, что удумала! Младенца в утробе

извести! Да в чем дитенок-то виноват? От волнения я даже храпеть забыла и чуть было не ринулась у соседки патлы выдирать. Косой бабушкин взгляд пригвоздил меня к месту.

Ёжкин кот! Неужели заметила? Да нет, кажется. Вон и не смотрит в мою сторону даже. Только ярко блестят в полутьме ниточки Матрениной судьбы, перебираемые сухими старушечьими руками.

— Значит, так, Матрена! — Звучный голос колдуньи, казалось, заполнил все пространство горенки. — Завтра после третьей звезды придешь на развилку за погостом, принесешь чистую тельную рубаху и нож...

Соседка мелко кивала и шевелила губами, стараясь поточнее все запомнить.

— Нож принесешь новый, где возьмешь — не моя работа. От горя твоего я тебя избавлю.

Рябое от беременности Матренино лицо озарилось надеждой.

— Ты взамен службу мне сослужишь, когда время придет.

— Какую такую службу? — До кузнечихи стало доходить, с кем она связалась.

— О том не ведаю. Только помни, в любой час, в месте любом, если подойдет к тебе человек или еще кто (в этом месте соседка побледнела до синевы) и скажет: «По моему хотенью, по Яги веленью...», ты его наказ исполнишь.

— А иначе?

— А иначе, девонька... — Колдунья многозначительно провела рукой по горлу. Матрена сомлела и грузно сползла с лавки.

Время тянулось медленно. Ночная гостья, отпоенная специальным укрепляющим снадобьем, давно отправилась восвояси, а бабушка все не ложилась. Шибуршала чем-то, доставала из сундука плотно спеленатые мотки пряжи, нарядную панёву, ласково перебирала длинные нити янтаринных бус. Масляная лампа

чадила на столе. Я глотала злые соленые слезы. Хуже нет, чем против родни идти, только ребенка я ей загубить не дам. Лешего он там, или водяного, или еще чей — мне без разницы.

Но вот наконец погас свет, заскрипела лавка. Равномерное хрипловатое дыхание возвестило о том, что старушка отошла ко сну. Я нащупала под подушкой волшебный гребень и решительно слезла с печи. Огонь зажигать не стала, понадеялась на свое ночное зрение (есть у нашей семьи такая особенность). На цыпочках подкравшись к спящей бабуле, я осторожно потянула на себя кончик ее косы. В воздухе разлился знакомый запах приближающейся грозы, гребень споро принялся за работу, расчесывая послушные пряди... (Яга, хоть давно уже не девочка, волосы имеет богатые, длинные, с благородным собольим оттенком — любая молодуха обзавидуется.) Я шепотом бормотала заклинание забвения, пока колдовская безделушка стирала из памяти пожилой ведьмы разговор с Матреной. Потом заплела бабушкины волосы, спрятала гребень в хитрый запечный тайник и отправилась на боковую, немного сожалея, что сделанного не воротишь.

Снились мне тугие от ветра паруса, соленые брызги, крики морских птиц и кто-то темный, непознанный, ускользающий от прямого взгляда, подобно тающему на солнце туману. И только жаркий шепот: «Где же вы, моя алмазная донна?» — и дыхание на моей щеке, и незнакомое доселе томление...

Проснулась я в испарине, с заветренными губами и щеками, пылающими, будто с мороза. Бабушка все еще смачно похрапывала, завернувшись с головой в лоскутное одеяло. Умаялась, бедняжка, от моей ночной волшбы, ну так пусть отдохнет, сил наберется. А мне думать надо да дело делать. Матрена ведь не успокоится, пока по ее все не будет. Да и слово ведьмовское никто отменить не в силах. Обещала бабуля дуру деревенскую от доуки избавить, надо выполнять. А иначе...

Охохонюшки, про это «иначе» даже думать не хочется — страшно! Быстро одевшись и прихватив в дорогу краюху душистого хлеба, я отправилась в лес.

На дворе было довольно свежо. Эх, пора доставать из сундука справные юфтяные сапожки — холодать стало, а то ведь и застудиться недолго. Выбивая зубами бодрюю дробь, я прибавила шагу, чтоб согреться. Деревня быстро осталась позади. Я, сделав небольшой крюк, чтоб лишний раз ноги не мочить, перебралась через реку по мосткам.

Лес принял меня, будто матушка раскрыла объятия непутевому чаду, как только я сошла с утоптанной тропки. Палая листва приятно покалывала босые ноги. Вкусно пахло смолой, в кронах деревьев о чем-то переговаривались птицы и хлопотливо носились рыжехвостые белки.

На Идоловой поляне ничего не изменилось с тех пор, как я была здесь последний раз. (Ну разве что не подглядывали из-за кустов похотливые глаза Еремея.) Никто не разворошил холодные угли кострища, и даже мой корявый берестяной туесок, забытый впопыхах, стоял у гладкого валуна как ни в чем не бывало.

Пора начинать балаган — сцена готова, а за зрителями дело не станет.

— Ау-у, мои подруженьки! — неуверенно начала я.

— Женьки...еньки...еньки... — отозвалось эхо.

— На кого же вы меня, горемычную, покинули?!

— Кинули-кинули... — глумливо донеслось в ответ.

Ну все, должно хватить. Хорошенького, как говорится, понемножку. Я уселась на плоский камень, подтянув под себя ноги, и стала ждать. Косые утренние лучи путались в разлапистых ветвях сосен, окружающих поляну плотным кольцом, и золотили макушку древней богини — каменного изваяния, в честь которого поляна и получила свое название. Деревенские этого места опасались. Болтали, что-де в незапамятные времена приносили здесь жертвы, да не простые — че-

ловеческие, и струилась кровь невинная, питала землю поганым колдовством черным. Даже вещуны Трехликого, в свое время разрушившие все алтари древнего народа, обходили это место стороной. Говорили, что муторно, беспокойно на душе становится всякому, кто по ошибке или по незнанию забредал на Идолову поляну. И хотя сама я ничего подобного не чувствовала, к народным суевериям относилась уважительно. Мне хотелось верить, что толстомясая баба, воздевающая к небу руки, обладает-таки недюжинной силой, если, даже забытая, потерявшая имя, заброшенная всеми, могла охранить свое капище от чужих посягательств.

Что-то увесистое плюхнулось мне на голову и запуталось в волосах. Стряхнув на землю мохнатого паука размером с мою ладонь, я истошно заорала и ринулась куда глаза глядят. А глаза глядели уже не очень... Укус мизгиря — это вам не еж чхнул. Скорее домой, у бабушки должно быть противоядие. Не прекращая орать (надеюсь, поганая тварь сдохла от моего крика), я ломилась сквозь бурелом.

— Не кручинься, красавица, я тебя из лесу выведу, — донесся до моего уже помутненного сознания приятный ласковый голос.

Сильные руки подхватили меня, и уже через мгновение я опять была на поляне, полулежа на камне и рассматривая моего спасителя. А посмотреть было на что. Высоченный красавец, широкоплечий и мускулистый, мог заставить замереть не одно девичье сердце. Его фиалковые глаза излучали лукавство, а молочнок-белые волосы напомнили мне свет далеких звезд. Мужчина — мечта. Расшитая серебром непривычного покроя одежда выдавала в моем спасителе иностранца, а остроконечные ушки...

Додумать я не успела. Красавец склонился ко мне с отчетливым намерением запечатлеть, так сказать, поцелуй. Ага, такой выведет! Не знаю, как из лесу, а уж из

терпения меня — точно. Вишь, выискался! Полупроводник, ёжкин кот! Скользнув верткой змейкой с валуна, я отвесила нахалу затрещину:

— Да ты, дедушка, совсем ополоумел!

Безупречные брови поползли вверх, выражая недоумение. Мамочки, забыла! Три раза надо «слово» молвить, чтоб подействовало. Наскоро пробормотав: «Дедушка, дедушка...» — я любовалась на то, как сползает с красавца наведенный морок — съезживаются плечи, уменьшается рост и хлопьями грязной пены истаивает заморское облачение. Через несколько мгновений передо мной стоял хозяин леса в своем обычном виде — русоволосого коренастого бородача, не по погоде одетого в тонкий полотняный руб.

— Это что же такое получается? — уперев руки в боки в лучших традициях деревенских склочниц, спросила я. — Седина у нас в бороду ударила?

Леший смущенно переминался с ноги на ногу и отчаянно краснел:

— Ну чего ты, Лутонь... Ну пошутил я, настроение с утра такое... шутейное...

— Ах, с утра?! — Я завелась не на шутку. — Вот так вот проснулся с рассветом и решил: буду лезть на все, что движется, красавцами заморскими прикидываться, девушек невинных пауками страшить?!

Тут я вспомнила о том, что жить мне осталось недолго, и разревелась. Лесовик озадаченно почесал в затылке, приоткрыв небольшие аккуратные рожки:

— Какими пауками?

— Ядови-и-итыми! — Слезы хлынули совсем уж неудержимым потоком.

Леший окончательно спал с лица и ринулся ко мне:

— Тебя укусили? Где? А ну-ка, покажь!

Я подставила для осмотра свою непутевую голову. Ой, больно! Коряга криворукая! Кто ж так за косы дергает? Через некоторое время истязание закончилось. Леший тихонько хихикнул:

— Ты, Лутоня, помирать-то погоду... Не успел он тебя куснуть. А успел бы — отравился.

У меня даже голова закружилась от облегчения, и я опять присела на камень, чтоб не упасть.

— Это ты намекаешь, что у меня кровь ядовитая? — спросила я уже почти миролюбиво.

— Ну да, язвочка ты еще та. Не могла по-простому позвать, как полагается? Обязательно лицедейства старику устраивать?

— А старик ко мне по-хорошему? Когда я на той седмице волховала, ты где был? Почему не охранил от чужих глаз? Зачем договор порушил? Вот сдам тебя вещунам, они-то тебя выучат слово держать — небо с овчинку покажется.

Леший закручинился:

— Дык, мужик-то ко мне пришел со всей душой. Все честь по чести: в кругу из молодых березок стал, три раза «слово» молвил, шкалик медовухи поднес. А потом и говорит: «Помоги, дедушка, любя мне краса Лутонюшка...»

— И все ты, дедушка, врешь. Не могла я Еремею полюбиться. Он и не смотрел на меня никогда.

— Эх, девка, цены ты своей не знаешь. Да разве настоящий мужик на лицо смотрит? На ножку, на походку, на разворот плеч, на... — тут зеленые лешачьи зенки недвусмысленно уставились мне в район солнечного сплетения, — богатый внутренний мир.

Я скрестила руки на груди и решительно перевела разговор:

— А ты, дедушка, Матрене-кузнечихе куда смотрел, когда ребеночка делал?

— Эх, Лутоня, мало тебя бабка в детстве порола, — воровато забегали лешаковские глазки, — чтоб ты во взрослые дела не лезла.

Да уж, умословия ни на грош. Как на мой «внутренний мир» тайком пялиться, так я уже взрослая, а как чужие проблемы решать, так не замай. Я разозлилась

не на шутку, вскочила с камня и, припомнив весь список бабушкиных ругательств, объяснила поганому нелюдю, куда ему идти, с кем и чем заниматься по прибытии. Леший слушал внимательно, не перебивая, видимо, запоминал незнакомые обороты, только один раз уточнил значение слова «педагогический».

Когда я наконец выдохлась, он, уважительно хмыкнув, пригласил меня к столу. И как только успел слугам знак подать? Пока я упражнялась в красноречии, его подданные сервировали на валуне богатое угощение. На ягодах ежевики алмазной россыпью переливалась роса, одуряюще пахли каравай свежего хлеба и кольцо копченой колбаски (приносят старичку жертвы деревенские жители, грех приbedняться), в долбленых калабашках пенилась брожулька. А разные зверушки лесные все продолжали подносить яства: орешки, семечки, истекающие сладостью пчелиные соты. Ну правильно — о серьезных вещах у нас, взрослых, принято за столом беседовать — степенно и неспешно. Я молчала, рассеянно наблюдая за суетящимися белками, не забывая отдавать должное разносолам. Проследив за моим взглядом, леший сказал:

— А пауки мне не подчиняются — ее это парафия, — и кивнул в сторону каменного изваяния.

Мне показалось, что богиня мне подмигнула, так причудливо падал солнечный свет на ее иссеченное временем лицо.

— Ты знаешь, как ее зовут?

— Ягу поспрошай, она лучше знает, — ушел от ответа хитрый лесовик.

Бабушка! Как она там без меня? Проснулась, поди. Возвращаться надо, некогда рассиживаться. И я поспешно вывалила на лешего все свои новости.

— И теперь что делать, не ведаю... — закончила почти жалобно. — Твоя... Матрена увидит, что бабули на месте нет, осерчает и чего-нибудь с собой утворит. А мне ребеночка жалко.

Леший помолчал, похрустел суставами, почесал в затылке:

— Да, положеньице... Матрена-то, как понесла, больше ко мне не заходит. Я по-всякому уже пытался ее на разговор вызвать, только не хочет она. А ведь любил я ее по-честному, ни к чему не принуждал, никем не прикидывался... — Лесовик говорил будто через силу. Было заметно, что каждое слово дается ему с трудом. — К вам в Мохнатовку мне ходу нет — только за границу своих владений сунусь, разом вещуны Трехликого повяжут. Изводят они нашего брата подчистую. Тут неплохо бы с Ягой это дело обсудить. Бабка твоя женщина ушлая, но справедливая. Не верю я, что она могла по-злему дело повернуть. Но раз ты, Ягишна, ее колдовала... Даже и не знаю теперича...

Мы еще немного помолчали.

— Давай так, — решил леший, — ты Матрену, ягодку мою, у развилки встретишь и ко мне приведишь, я ее уговорю мне дитячко отдать.

— Тебе? — У меня просто глаза на лоб полезли. — Делать ты с ним что будешь? Шишками кормить, зверенка из него воспитывать?

— Любить я его буду. — Леший явно обиделся. — Любить и от беды беречь. А что, думаешь, не воспитаю?

Мне очень захотелось почесать в затылке. А ведь лесовик в чем-то прав. Маленькому полукровке не место среди людей — заморят они его, если не со зла, то по незнанию. Уж мне ли не знать, как жестоки бывают люди к непохожим на них созданиям?

— Ну хорошо, — не желала я окончательно сдаваться. — Матрена тебе ребенка отдаст, а что она в деревне скажет, как объяснит, куда новорожденный подевался?

— Я про то подумал, — лукаво ответил лесовик. — Мы тоже не лыком шиты, устроим для людей представление. Пусть все думают, что звери дикие ребенка в клочья порвали. А Матрена подыграет.

На это возразить мне было нечего. Пообещав, как стемнеет, привести к хозяину его разлюбленную, я стремглав помчалась домой.

— Лутона! — догнал меня голос лешего.

— Чего? — обернулась я уже от границы перелесья.

— Ни о чем дедушку спросить не хочешь?

Вот ведь пройдоха, умеет будущность прорицать и всю этим пользуется. На мгновение задумавшись, я поняла, что хочу, и даже очень.

— Ты в кого сегодня рядился, когда ко мне вышел? Где это у нас такие иноземцы остроухие обитают?

— А не знаю, так, привиделся кто-то... Может, ты его когда встретишь, может, я... А что, понравился? Да не красней ты как маков цвет, дело-то молодое.

За спиной оглушительно хрустнула ветка, я злобно дернулась на звук. Когда мой взгляд вернулся к месту, где только что стоял лешак, там уже никого не было. Хозяин! Последнее слово всегда за ним остаться должно. А щеки-то действительно горят... Надо будет по дороге речной водицей в лицо поплескаться, остудиться маленько.

И я понеслась дальше — дел на сегодня наметилось просто невпроворот.

ГЛАВА 2

О новых знакомствах, волшебных предметах и делах давно минувших дней

Ай, бай, бай, бай,
Не ходи, старик Бабай,
Коням сена не давай...

Колыбельная

Дверь избушки заело, и я наподдала плечом. Заперто! Странно...

— Вы кто, тетенька? Мамка к соседке пошла, а чужих пускать мне не велено!

Бабушка, входящая во двор с коромыслом на плечах, была сама на себя не похожа. Простоволосая, в моем праздничном сарафане и сафьяновых сапожках, она выглядела одновременно странно и трогательно.

— Бабуль, мне бы прилечь, ик... — Брожулька явственно просилась наружу.

— Вы, тетенька, ложитесь где-нибудь у себя. Нечего по чужим дворам тыняться.

Яга решительно оттерла меня от двери и юркнула в дом. Я с открытым ртом осталась стоять на улице. Сквозь приоткрытое окошко слышалось задорное пение:

Столько теплых нам деньков —
Сколько во лесу пеньков.
Столько ясных ночек —
Сколько в поле кочек.

От малышовской веснянки, исполняемой бабулиным надтреснутым голосом, у меня мурашки по спине побежали. Ведьма впала в детство, и в этом моя вина. Волшебный гребень слишком многое заставил забыть. Ёжкин кот, что же делать? Я затарабанила в дверь.

— Чего надо?

Да уж, и в детстве моя родственница, видимо, приветливостью не отличалась. В горнице, судя по звукам, кипела работа — потрескивали половицы, бренчала посуда. Из окна валил сиреневый дым, распространяя запах свежескошенной травы. Активированные все разом хозяйственные заклинания накладывались одно на другое. Ну, как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы в подпол не лезло. Если девочка Яга доберется до тайной комнаты... Я похолодела и попыталась подольститься.

— Девочка,пусти меня, я тебе пряничков дам, — фальшиво начала я, ни капельки не веря в удачу.

Дверь молниеносно распахнулась, стукнув меня по лбу.

— Пряники вперед!
— Нет уж, сначала впусти, а за мной дело не станет.
— И откель ты их выймешь, надувальщица? — лукаво блеснули разноцветные глаза ведьмы. — Ни карманов, ни котомки! Уходи, приبلуда. Поди! А то собак спущу.

— Бабушка, опомнись! Какие собаки? Впусти меня, нам надо поговорить!

— Ах, так! Ужо я тебе, надоеде, покажу!

В который раз хлопнула дверь, через подоконник что-то перелетело, и из зарослей бастыльника, поводя длинным носом, выбралось чучело муравьеда. Стекланные его глаза полыхали, выискивая цель, а из неровно сшитого брюха сыпалась солома.

— Да что он мне сделает? — хорохорилась я, выбирая из поленницы обрубков поувесистее. — У него и зубов-то нет, разве что засосет до смерти.

— Ага! А когти ты видала? Еще посмотрим, кто кого! Ату ее, Мурзик! Взять!

Мурзик утробно возрычал и прыгнул, я взвизгнула и побежала. И это исчадие я собиралась победить? Он же меня сейчас на лоскутки порвет! Живые муравьеды — существа ленивые, к долгим пробежкам не приспособленные, а вот мертвые, судя по всему, неутомимы и коварны. Как безголовая курица, я носилась по двору, высоко задирая колени и придерживая под мышкой полено (выбросить его мне даже в голову не пришлось). Бабушка азартно улюлюкала с крыльца.

— Останови его, я сама уйду, — прохрипела я задыхаясь, в очередной раз поравнявшись с родственницей.

Яга что-то сказала, но я уже летела дальше. Ответ догнал меня на следующем круге:

— Дураков нет! Ты уж, тетенька, сама как-нибудь...

— Пороть тебя некому, бабушка...

Я обреченно остановилась, перехватывая деревяшку двумя руками. Сзади никого не было. Бабка покатывалась со смеху, утирая выступившие на глазах слезы:

— Он почти сразу в кусты сиганул. А как же ты потешно тут бегала!

Я стиснула зубы до скрипа и пожалела, что не могу применить розги к пожилой, хотя и выжившей из ума женщине.

— Лутона, выдь ко мне, разговор есть... — донеслось с улицы.

У забора нерешительно переминалась с ноги на ногу подруга Стешенька. К нам она заходить опасалась. Напоследок одарив Ягу укоризненным взглядом, я отшвырнула плено и подошла к подруженьке.

— Поблагодарить тебя хочу, — начала Стеша после обязательных приветствий. — За Еремея пойду, родители уже сговорились...

— А я тут при чем? — растерянно спросила я.

В глаза мне подруга упорно не смотрела, да и радости в голосе особой не чувствовалось.

— Да ладно, я же все понимаю... Как приворожила, так и отворот сделала...

Ёжкин кот! Да кто ей только такую глупость в уста вложил? А спорить бесполезно. Не поверит. Ведьмы мы с бабушкой, разве ж люди таким доверяют? Боятся, уважают, но чтоб верить... Не достойные мы такого отношения.

— Я тут просить тебя хочу... — продолжала между тем гнуть свое Стеша. — Я теперь мужняя жена буду, в невестки иду...

— Поздравляю, — встряла я, с ужасом замечая, что со стороны забора кусты аккуратно раздвигаются и длинный тонкий нос муравьеда явственно принохивается к моей собеседнице.

Только нападения нежити мне сейчас недоставало! Точно слухи пойдут, что соперницу извести зверями пыталась. Схватив подругу под руку, я потащила ее вдоль улицы, приговаривая:

— Пошли, по дороге договорим.